

В журналистике Надежда Антуфьева — с 1982 года. Начинала корреспондентом газеты «Молодежь Тувы». С 1991 года (со дня создания газеты) по настоящее время — главный редактор газеты «Центр Азии» (г. Кызыл, Республика Тыва).

Лауреат и дипломант межрегиональных и общероссийских конкурсов журналистского мастерства.

Номинант премии имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок» за 2004 год, финалист конкурса на Премию Артема Боровика «Честь. Мужество. Мастерство» за 2005 год.

Автор проекта «Центр Азии — центр согласия и взаимопонимания». В рамках проекта под ее редакцией изданы три тома книги «Люди Центра Азии», включившие в себя 252 публицистических очерка и интервью.

* * *

Решением жюри конкурса на премию Артема Боровика **Антufьевой Надежде Мухарбековне** присуждается премия и диплом Артема Боровика «Честь. Мужество. Мастерство» за лучшее журналистское расследование (печать): очерк «Журналист в законе», опубликованный в газете «Центр Азии».

ЖУРНАЛИСТ В ЗАКОНЕ

*Монета взлетела вверх, перевернулась в воздухе несколько раз...
Орел или решка? Решка!
Так он пришел в журналистику.*

С тех пор прошло девять лет. Он прошел по тайным наркотропам, ведущим из Тувы в Хакасию. Он пробирался по тайге, чтобы увидеть то, о чем многие знают, но боятся сказать. Писал о нарушениях Закона теми, кто считает себя сильными мира сего.

Ему намекали. Угрожали. Пытались купить и популярно объяснить, кто в России настоящий хозяин. Он не слушал и продолжал писать. Тогда на него надели наручники и посадили в камеру — вместе с уголовниками.

Семь уголовных дел, подряд, одно за другим, было возбуждено против него прокуратурой Хакасии — за его журналистские расследования.

За эти же журналистские расследования в 2004 году он признан в Москве лауреатом премии имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок». Премии, смысл и значение которой председатель жюри, президент Фонда защиты гласности Алексей Симонов определил так: «Журналистика как поступок — когда написанное перестает быть более-менее удачным сочетанием слов, а становится продолжением жизненной позиции».

Для Михаила Афанасьева, журналиста из Абакана, все написанное им — даже не продолжение жизненной позиции, а сама жизнь. Жизнь, начавшаяся с той самой монеты, упавшей решкой вверх.

Тогда они, горячие двадцатилетние ребята с его улицы, решили победить наркомафию. Создали организацию «Молодежь Хакасии против наркотиков». Власти это дело «поддержали», дав совет: пишите в газету. Писать в газеты никто не умел. Решили бросить жребий: орел — пишет Андрюха Карпов, решка — Мишура Афанасьев.

Выпала решка. Он написал свой первый в жизни материал и отнес в газету «Хакасия».

Приходилось ли ему когда-либо сожалеть о том, что журналистский жребий выпал именно ему? Отвечает, не задумываясь ни на минуту: «Нет. Никогда. Это судьба. Это мое!»

Мы говорим с ним о журналистике и жизни. Долго говорим. И в самом конце разговора:

«Хочу жизнь прожить достойно, чтобы не было потом стыдно за прожитые годы. Чтобы перед смертью не вспоминать свои плохие, трусливые поступки».

Почти цитата: Павка Корчагин, «Как закалялась сталь». Слишком красиво, чтобы быть правдой? Странно, ведь этот роман уже не входил в учебную программу его поколения, революционный комсомолец Павка Корчагин давно уже не культовый герой молодежи.

«Михаил, вы читали Николая Островского «Как закалялась сталь»? Он смущается, решив, что не выдержал тест на начитанность: «Честно говоря, не читал».

Это не цитата. Он на самом деле так думает.

Ему двадцать девять, но выглядит он старше. У него приятный негромкий голос и усталые глаза. Очень усталые глаза.

Потому что это очень трудно — жить и писать достойно. Чтобы потом не было стыдно.

Как приходят в профессиональную журналистику? Есть два пути: из вуза и из жизни.

Только корочки с надписью «профессия — журналист» еще ничего сами по себе не значат. Можно закончить самый престижный журфак МГУ и стать никем: сидеть в какой-нибудь пресс-службе и просто зарабатывать на хлеб с маслом и ветчиной. Масса примеров. Это легче, это по-житейски понятно. Только это уже другая профессия.

У Михаила Афанасьева нет журналистских корочек. У него даже высшего образования нет. Только среднее специальное: СПТУ № 32 города Абакана. Рабочая специальность — электрик. Он пришел в журналистику другим путем — из жизни.

Самым надежным путем.

Его поколение, родившееся в конце семидесятых, оказалось бесхозным. Некому стало ими заниматься и воспитывать: старые авторитеты, ориентиры и цели потеряны, новых никто не

придумал. В девяносто первом вместе с партией развалился и комсомол, не стало пионеров и октябрят. Он успел побыть пионером и даже, пятиклассником, сыграл роль Олега Кошевого. Не самый примерный ученик, не самое примерное поведение, но что-то такое, особенное, твердость какую-то внутреннюю, разглядела в худеньком мальчишке учительница второй абаканской школы, поручившая ему эту роль в школьном спектакле по фадеевской «Молодой гвардии».

Им приходилось воспитывать себя самим. У них была своя компания — человек в тридцать, был свой дворовой неписанный кодекс чести. Очень краткий: верность слову и друг другу.

Он много читал, любил историю, литературу. Очень благодарен отцу, рано, в пять лет, научившему его читать и жестко ставящему условие: «Никаких мультиков, пока не прочитаешь от сих до сих!».

Папа — сварщик, мама — врач. Впрочем, в роду были и журналисты — главный редактор «Правды», Виктор Афанасьев, возглавлявший газету с 1976 по 1989 год.

«Это брат моего деда, мой двоюродный дед, — рассказывает Михаил. — А моего родного деда выслали из Москвы. Он в начале пятидесятых на Красной площади, у Мавзолея, когда время посещения закончилось, возмущаться стал. Выпивши немного был, шуметь начал: «Как так, вы с вождем революции по часам народу общаться разрешаете?» Ну, и его подальше — в Сибирь, в Красноярск. Там он и с бабушкой познакомился.

А отец с мамой познакомились по переписке, когда он в армии служил. Я родился в Красноярске, два моих брата — тоже, а потом маму после института распределили в Абакан, так что я с пяти лет абаканец.

Отец еще в детстве мне говорил: «Мне отец завещал: из Сибири не уезжать. И я тебе завещаю». «Почему? У нас же столько родственников в Москве живет». «Поедешь — узнаешь». Съездил. И понял, что имели в виду дед и отец. Родственники приглашают: «Приезжай насовсем, живи у нас». Не хочу. Я — сибиряк. Здесь — настоящая Россия.

Род наш издревле жил в центре Москвы — в районе Парка культуры. Отец рассказывал, что род был не без греха, но очень любил Россию. Какое бы правительство ни было, но есть твоя страна, не государство — оно может быть и под красным флагом, и под зеленым, — а Отечество.

Отечество — это дом, это друзья с детства, с кем вместе в песочнице возились, учились — хакасы, русские. Как я за них и их

детей пойду, если надо, так и они за меня. Пойду за Россию, за Отечество. За мою страну».

За мою страну. Приходилось слышать и другое словосочетание: «эта страна». Это о своей Родине — небрежно, пренебрежительно, через губу. Всего лишь разные местоимения, а разница — контрастом: «эта страна» и «моя страна». И все понятно о человеке. У Михаила страна только «моя» и «наша». Не «эта».

Не с трибуны и не на митинге произносит слова о Родине и Отечестве Михаил Афанасьев. Мы просто сидим в его рабочем кабинете, вернее, в комнатухе, которую разрешили занять в своем офисе его друзья, пьем не самый дорогой кофе и разговариваем о жизни и нашей профессии.

Сегодня, когда стремительно обесцениваются гражданские идеалы, и жизненной установкой, в том числе и для тех, кто считает себя журналистами, становится «Продается и покупается все!», не часто доводится слышать такие искренние, не на показ, слова о своем долге перед своей страной.

— Михаил, вы не чувствуете себя одиноким? Как вы считаете, есть еще среди наших коллег такие, кто думает и действует так же, как вы?

Он ни на секунду не задумывается:

«Есть! Это Тимур Алиев — чеченский журналист из Назрани, главный редактор газеты «Чеченское общество». Игорь Цагоев из Нальчика, заведующий отделом журналистских расследований газеты «Северный Кавказ». Они оба стали номинантами сахаровской премии.

Игорь — сильнейший журналист, он такие мощные расследования проводит: похищение людей; коррупция в правоохранительных органах, когда вместо преступников на скамье подсудимых оказываются борцы с преступностью. И ведь отстоял, они действительно невиновными оказались.

А Тимур! В условиях войны такие серьезные темы поднимает, борется за законность. Вот он мне письмо прислал по электронке: «Поздравляю! Молодец, хорошо ты власти хвост прищемил. Держись! Ничего, мы еще поборемся за свою страну!» Он кавказец, а такие слова написал! И Игорь тоже говорит: «Это наша страна». На мой взгляд, Тимур и Игорь — это настоящие журналисты и настоящие патриоты».

Интересно получается: правительство утверждает программы «Патриотическое воспитание граждан РФ». Программы обширные, в них масса мероприятий: фестивали, слеты, конкурсы, учреждение разных наград и разработка методических основ. В 2002—2004 годах 114,999 миллиона бюджетных рублей было на это выделено. Программа на 2006—2010 годы предусматривает выделение уже 378,05 миллиона федеральных рублей.

Государство бьет тревогу, очень старается сделать всех россиян патриотами, массово научить утраченному — преданности и любви к своему Отечеству, своему народу.

Только не очень пока получается. Несмотря на добросовестно выделяемые на это министерствам и ведомствам бюджетные миллионы.

А вот передо мной сидит Михаил с очень уставшими глазами. Перед ним компьютер с неработающим дисководом, на котором он набирает свои материалы и отправляет на сайт «Новый фокус», созданный им благодаря полученной негосударственной премии имени Андрея Сахарова.

Он не включен ни в какую надежно подкрепленную финансами «программу». Но об Отечестве болит его душа.

Он любит Россию совершенно бесплатно.

Когда он стал лауреатом премии имени Андрея Сахарова, ему наперебой стали предлагать вступить в самые разные партии: иметь в своих рядах журналиста, имя которого неожиданно стало известно всей стране, да и за ее пределами — престижно. Он всем отвечал: «Нет. Я служу обществу, а не каким-то политическим целям и интересам. И хочу остаться независимым».

Свои главные темы он определяет так: борьба с коррупцией и защита прав человека. Горячо поясняет:

«Вот тема: восемнадцатилетнюю девушку обвинили в убийстве. Полгода продержали в камере, прессовали, избивали. Покалечили психически — в психбольницу попала. И в результате приговор суда: оправдать. А ведь с самого начала ясно было: она невиновна. И я пишу об этом.

Или вот: мы публиковали материалы о бюджете, о том, как распределяются правительством Хакасии средства так называемого резервного фонда. На лечение главы администрации района — 200 тысяч рублей. А в этом же селе живет Агафья Михайловна Матаковская. Участница трудового фронта, у нее

Орден Ленина, медали «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы». Она мне рассказывала, как в войну работала — это ужас. Она всю жизнь на государство работала. А когда у нее дом сгорел и она пришла попросить у государства помощи, ей говорят: вот вам две тысячи рублей, стройте себе новый дом и радуйтесь. «Справедливо» распределили: себе — двести, ветерану-орденоноске — две.

Может быть, у главы администрации действительно серьезные проблемы и ему надо лечиться. Но я специально ездил, посмотреть, как он живет: два двухэтажных коттеджа рядом, в одном — он, в другом — семья дочки. Собственная «Волга». Человек явно не испытывает недостатка в средствах. Может себе позволить лечение и за свой счет. А на эти двести тысяч рублей можно было не одну, целый отряд бабушек — ветеранов Великой Отечественной — свозить подлечиться хотя бы в ближайший санаторий на озеро Шира.

Или вот: проведение дня памяти воинов-интернационалистов. На самих воинов — восемь тысяч рублей, а аппарату правительст-ва — семьдесят четыре. Конечно, они же там, в аппарате, все военные.

Каждая строка этого «Отчета о расходовании средств резервного фонда» заставляет задуматься. На приобретение телефона спутниковой связи (и зачем он им нужен?) — 56 тысяч. Много здесь чего интересного...

А потом жалуются: у нас денег нет, федеральный бюджет не выделяет. Да зачем выделять, у вас и так их достаточно, тратите деньги налогоплательщиков, как хотите.

Получается: власть тянет одеяло на себя. А мы, журналисты, должны говорить власти: почему вы так делаете? Я с такой позиции подхожу.

Знаете, я говорил с государственными чиновниками, причем, федеральными, называющими себя друзьями влиятельнейших, популярнейших людей в России. И они мне говорят: «Мы живем по понятиям». Не по Закону — по понятиям! И бандиты, и чиновники — на одном жаргоне говорят. А надо жить — по Закону!»

Сначала он пробовал работать в штате абаканских газет. Не получилось. Объясняет: «Мне неинтересно было ходить на заседания, собрания, писать отчеты с пресс-конференций».

Понятно, что и такие материалы нужны газете. Только это, он считает, — работа не для мужчин. А для женщины — рейды, расследования, защита поруганных прав человека. Часто опасная работа, на которой не заработаешь больших гонораров — каждый материал требует огромного напряжения, забирает массу времени, физических и душевных сил. Такой журналистикой в регионах России профессионально занимаются единицы. Она — для избранных. С особым складом характера.

Михаил с азартом вспоминает свой первый рейд, когда редактор отпустил его «в свободное плавание» — с МВД. Шла операция «Вихрь — антитеррор», одновременно шла проверка бдительности и профессионализма сотрудников внутренних дел.

«Вешаем на «девятку» чеченские номера. В багажник — автомат. Водитель МВД — за руль, я — рядом. За нами — группа прикрытия внутренней безопасности МВД. Связь — по рации. И поехали по всей Хакасии кататься по дорогам! Специально нарываемся, чтобы нас посты милицейские остановили: превышаем скорость — 140 километров в час. У нас в документах — полный бред: машина чеченская, а документы выданы в Хакасии. И автомат в багажнике.

И мы раз восемь выехали и въехали в Абакан — беспрепятственно. Как мне показалось, гаишники просто побоялись нас останавливать. В Белом Яре у Дома культуры — какой-то детский праздник. Останавливаемся. К нам подходят: здесь стоянка запрещена, вот туда передвиньтесь. Мы подчиняемся, отъезжаем, крутимся вокруг этого ДК, вокруг детей. С автоматом в багажнике.

Был, правда, момент: остановивший нас милиционер все же заглянул в багажник. Ну, думаю, наконец-то закончится наш рейд. Нет. Заглянул, а автомата, лежащего перед ним, не увидел, сам его подвижной полочкой закрыл. Не нашел.

Только на железнодорожном вокзале нас задержали. Отлично ребята сработали! Багажник открыли, и... я только успел повернуться, а меня уже за шиворот из машины вытаскивают. Автомат — в голову: «Стоять!» Смотрю, водитель уже на «растяжке» стоит — лицом в багажник. Стою, в голове одна мысль: «Елки-палки! Где же наше прикрытие?» Но тут подъезжают, наконец: «Молодцы, хорошо сработали!» А потом в газете: «Во время операции «Вихрь — антитеррор» журналист газеты «Взгляд» объехал с автоматом пол-Хакасии».

Нет, не могу я сидеть в кабинете. Мне нужен простор. Мне нужно носиться. Всю Хакасию обошел, всю тайгу облазил. Где только не был: и с оперативниками, и с милиционерами, и с охотоведами.

Когда ты в штате, то еще и четыре начальника над тобой: то эту тему нельзя поднимать, то этого нельзя трогать — фигура. Кругом «запретные» темы.

А потом в Москве создали сайт «Национальная безопасность», и мне понравилось с ними сотрудничать: там нет запретных тем».

Именно Интернет-издание «Национальная безопасность» (nacbez.ru), офис которого размещается в Москве, и направило на конкурс материалы абаканского журналиста, именно он получил диплом жюри конкурса премии имени Андрея Сахарова — за публикацию материалов Михаила Афанасьева.

В положении об этом конкурсе есть важный момент, отличающий его от других профессиональных конкурсов: награждаются не только сами журналисты (лауреат — 5000 долларов, номинан-ты — по 500), но и редакции, опубликовавшие их работы, — почетными дипломами с профилем Андрея Сахарова — «За журналистику как поступок».

И в этом — глубокий смысл. Это тоже поступок, поступок редактора: принять решение о публикации острого материала. С одной стороны — несомненный «гвоздь» номера, газету вмиг расхватают; с другой — неприятностей потом не оберешься, да и по судам затаскают. Вот и приходится выбирать: ставить в номер или не ставить. Первое — поступок, последнее — спокойней.

Для Афанасьева остался только Интернет. Потому что перестали его печатать в газетах Хакасии. Это по-житейски тоже понятно: с афанасьевскими расследованиями спокойной жизни уж точно — не жди: за ним не просто гражданские дела «о защите чести и достоинства», против него уголовные дела возбуждают.

Уголовные дела с начала 2004 года заводились на Афанасьева одно за другим.

Подходящая статья для журналиста в Уголовном кодексе быстро нашлась — 129, «Клевета».

И не первая или вторая части статьи, по которым наказание — штраф или исправительные работы, максимум — арест до шести месяцев, а часть третья — с лишением свободы до трех лет!

И все — по самым острым его публикациям: о вопиющем беззаконии в Охотоправлении Хакасии, о финансовых нарушениях, о высокопоставленных браконьерах, истребляющих животный мир республики, стреляющих даже по детям. Целую серию таких публикаций написал Михаил.

«Как журналист, я могу считать, что я сделал все. Высветил полностью: с кем дружат, где у них базы, из чего стреляли, кто стрелял, кого убил», — рассказывает он.

Добрался он и до секретной комфортабельной базы отдыха «Лось», расположенной в самом сердце Каратошско-Инейского заказника, где законом запрещены не только охота и строительство зданий и сооружений, но даже сенокосение. «Красивейшие дома, каждый оборудован системой спутниковой связи и телевидения. Бани, большие банкетные дома. Джипы на огромных колесах, гусеничные машины. Бульдозеры расчищают огромную площадку под строительство еще чего-то».

А на подходе к строго охраняемой базе — приспособления для «элитной охоты»: «солонец», куда сыплют соль, приманивая маралов, лосей, косуль, а напротив — скрадок: береза с прибитой к стволу лестницей и местом между веток — для охотника, гостя высокого.

Поначалу он наивно надеялся, что вот он напишет, а не писать он просто не мог, ведь на него так надеялись его друзья-хакасы, уже не знающие, как остановить беспредел, творимый в тайге, и прокуратура тут же прореагирует. Ничего не вышло, не прореагировала.

Тогда вместе с биологом Александром Кызынгашевым, главой Усть-Абаканского отдела Охотоправления Хакасии они отправились в Верховный Совет республики. Кызынгашев сделал доклад, привел данные заключения НИИ имени Житкова: через два года будут перебиты все копытные. Депутаты большинством голосов приняли обращение к прокурору республики о проведении проверки в Охотоправлении. И снова ничего не вышло! Пришел прокурорский ответ: нарушений не выявлено.

Тогда журналист Афанасьев поехал в Москву: методично стал обходить вышестоящие инстанции: Генпрокуратура, Госдума, Охотдепартамент, общественные организации: «Вот документы, почему прокуратура бездействует?» И вот тут реакция последовала незамедлительно: хакасская прокуратура, наконец, возбуждает уголовное дело. Но не по фактам нарушений в Охотоправлении, нет. В подозреваемые записывают самого Афанасьева.

Пришлось возвращаться в Абакан, не завершив дела. Михаил прекрасно понимал: иначе его могут запросто объявить в розыск, попросить московскую милицию отправить по этапу как «особо опасного» и «скрывающегося от следствия». А он никогда и ни от чего не скрывался, даже под псевдонимами.

Говорит твердо: «Я всегда подписываюсь своим именем. Это принцип. Прятаться под псевдонимами не собираюсь. Врага надо знать в лицо. Если меня считают врагом те, кому не нравится то, что я пишу, то пусть и знают — в лицо».

Полностью разделяю его отношения к псевдонимам. Я тоже всегда подписываюсь своим именем. Тем, кто меняет псевдонимы, как перчатки, просто не верю. Так недолго и совсем потерять свое имя собственное. И свое собственное лицо.

Свое лицо он не потерял. Хотя было очень трудно. Очень. Спрашиваю: «Михаил, а как вы сами понимаете эту фразу: «Журналистика как поступок»? Он задумывается: «Отстаивать свою позицию. Не сломаться. Это, наверное, и есть поступок».

«Знаете, это, так называемое уголовное расследование — просто издевательство. Натуральное издевательство. Унижение человека.

10 июня 2004 года, как сейчас помню, прокурор предложил мне встречу. Я согласился. Хотел объяснить, что никакого мира не будет, потому что жить надо не «по понятиям», а по закону, можете с кем угодно договариваться, но не со мной. Пришел. А встретил меня посредник — следователь прокуратуры. «Давай так: больше ничего такого не пиши и прокуратуру тоже не критикуй, и завтра же все уголовные дела будут закрыты. Найдем тебе спонсора, будет финансировать тебя. Но если нет...»

«Конечно, мне все это нравится, особенно спонсор. Но... ваши требования незаконны. Выполнять я их не буду. Ни ты, ни прокурор не имеете права меня принуждать не писать и упоминать, о чем писать!»

И началось. Еще пару уголовных дел завели. Одно, прямо специально, в день рождения матери. Ее до слез доводили, яко-бы, оперативной информацией, что я торгую наркотиками. Постоянные обыски дома, допросы.

Изяли компьютер, как вещественное доказательство «преступной деятельности». Я уже работать не могу, даже простейший материал не могу написать для гонорара. Ничего, у меня же ра-

бочая специальность: взял сумочку, гвоздики, молоточки, пошел ремонтировать мебель. 150 рублей в день заработаю, матери отдам. Так и жил.

А вечером к товарищу иду: у него старый-старый компьютер, даже «Worda» нет. Я приду к нему, в «Блокноте» статью наберу, Сергею Малинину, редактору инетрнет-проекта «Национальная безопасность» в Москву отправлю. Он уже в «Worde» поправит, разместит на сайте.

Эксперта-лингвиста нашли: устанавливает мое «авторство» и вовсе не в моем материале. «Да не мой это материал, а за свои статьи я сам всегда отвечу, на каждое слово доказательства есть: документы, снимки, видеозаписи». «Нет, это ты писал!» Еще одно уголовное дело.

Ну, все было против меня. Измотало. Страшно измотало...

Ночами он подолгу стоял у окна. Курил, вглядываясь в темноту двора. Такой родной с детства двор казался мрачным, тревожным. И мысли в голову приходили такие же: что еще придумают завтра, какого нового «сюрприза» ожидать? Наркотики подкинут? До стрельбы дойдет? Он ждал чего угодно, ничему бы уже не удивился.

И приходило отчаяние. Только какое-то осознанное отчаяние: «Неужели они действительно думают, что они — хозяйева, цари и боги? Но есть же Закон. Есть гражданское общество. Это они — никто, а мы — общество. И журналист в этом обществе что-то значит. И я докажу это, все равно докажу!»

Он готов был даже умереть, чтобы доказать это. Да, и такие мысли приходили в голову. Это ведь только в кино супермен, не знающий страха и упрека, уверенно побеждает в одиночку. Журналисту в одиночку очень нелегко.

Очень тяжело, когда в самую трудную минуту не ощущаешь поддержки коллег, той самой журналисткой солидарности, о которой мы много говорим в дни профессиональных праздников. Увы, слишком много только говорим.

И у нас в Туве, и у наших соседей в Хакасии существуют региональные отделения Союза журналистов России. Но, увы, самое большее, на что мы способны все вместе, — это провести праздничное мероприятие в День российской прессы. А дальше — кто как может, тот так и живет. В одиночку. В лучшем случае порядочные коллеги посочувствуют, пожмут руку: «Держись!»

Самые порядочные разместят в своем СМИ информацию. Это, конечно, тоже что-то значит. Но этого мало.

Поэтому Афанасьеву, не члену никакого союза, даже в голову не приходило обратиться туда за помощью, союзу тоже в голову не приходило поддержать журналиста. Обычная ситуация. Реальность нашей региональной жизни.

Когда же напор уголовного преследования стал просто непосильным для одного отдельно взятого журналиста, Михаил написал в Фонд защиты гласности. В Фонд, приоритетные задачи которого — защита прав журналистов, юридическая помощь им в конфликтных ситуациях.

Написал, особо ни на что не рассчитывая, а уж про конкурс на Сахаровскую премию и вовсе не думал, не до конкурсов ему в то время было: обложили со всех сторон.

Просто попросил юридической консультации. Ответ из Москвы пришел незамедлительно. Борис Тимошенко, руководитель службы мониторинга Фонда просил: напиши подробно, что случилось, срочно шли свои материалы.

Так он понял, что не одинок. Но он еще не знал, насколько не одинок.

Не знал об этом и прокурор Хакасии Александр Белошицкий. Пока не знал.

Всемирный День прав человека — 10 декабря — Михаил Афанасьев встретил в камере предварительного заключения.

В этот день победители и финалисты премии имени Сахарова со всех концов России съезжались в Москву: церемония награждения, приуроченная к Дню прав человека, была назначена на 11 декабря. Михаил тоже был приглашен. 8 декабря ему позвонил Тимошенко: «Прилетай, ждем! Кто лауреат — пока секрет, но ты — в списке финалистов».

За ним пришли оперативно: уже на следующий день — 9 декабря. Он уже знал, что придут, что в Москву его ни в коем случае не выпустят, у него тоже были свои каналы информации. Спокойно ждал.

Взяли его прямо в больнице, куда он лег подлечиться: здоровье что-то пошаливать стало. В обвинительном заключении написали: чтобы скрыть свою преступную деятельность, лег в больницу, используя коррупционные связи своей матери, Елены Михайловны Афанасьевой.

С потрясающей оперативностью возбудил хакасский прокурор очередное уголовное дело: 6 декабря на сайте «Национальная безопасность» был размещен материал Афанасьева «Хакасская «Охотбанда» пошла во власть» — весьма актуальный, как раз шла предвыборная кампания в Верховный Совет республики. Спустя два дня Михаил уже сидел в камере предварительного заключения.

В КПЗ Михаил даже удивился: ожидал худшего. Ежедневный шмон-обыск, конечно, малоприятная процедура: «Встать! Лицом к стене!» А так — довольно прилично. И отношение к задержанным весьма корректное. Больше всего его поразила фраза охранника: «Ну, мы же ваши права не нарушаем...» Это когда сокамерники отказались разносить обед по камерам: «Мы не пятнадцатисуточники». Вспоминая об этом, он улыбается: вот ведь где довелось, наконец, услышать про права человека.

Соканерники приняли журналиста доброжелательно. Только удивлялись все: «Это что же за статья такая, сто двадцать девятая? Первый раз слышим, чтобы за такое сажали». Особой симпатией проникся к Михаилу парень со статьей 228, с длинным названием: «Незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ». Чаем делился, сигаретами. Михаилу, как «особо опасному», никаких продовольственных передач с воли не полагалось, только казенная пища — следовательно специально рапорт об этом написал, позаботился. Так что спасибо наркоторговцу: без курева и чая — главной радости арестанта — в камере совсем бы скучно было.

Сидел Михаил, курил с новым знакомцем, упорно повторявшим, что наркотики не его — подбросили, а сам думал: вот уж, правда, неисповедимы пути судьбы. Прокуратура, закон защищать призванная, его на нары сажает, а наркоторговцы, с которыми всю свою журналистскую жизнь боролся, куревом с чаем выручают.

Сколько материалов написал он об этом зле! О наркотиках — вещественных доказательствах, странным образом «пропавших» прямо из сейфа МВД; о странных судебных решениях, когда за особо крупный сбыт присуждает судья только штраф или условный срок.

В 2001 году со знакомым лесником по тропам наркоторговцев прошел — восемь дней по тайге бродил: из Абазы — в Туву. Лесник

журналисту места показывает, а журналист ему сено косить-убирать помогает. Взаимный интерес. И сено убрали, и наркокурьеров видели, идущих в Хакасию из Тувы: республика давно уже надежным поставщиком гашиша стала — поля дикой конопли немеряны, работы в селах нет, вот женщины, дети тем и зарабатывают на жизнь — собирают отраву. Идут курьеры по проложенной тропочке: рюкзачок с тувинским зельем не сзади, а впереди висит. А раз целый караван повстречался: двое впереди пешком, через километр один на лошади, затем замыкающий.

После выхода статьи начальник управления по борьбе с организованной преступностью отчитывал своих сотрудников, Афанасьева в пример ставил: вас несколько десятков, а журналист всех обошел! Только не стало Михаилу от этой похвалы легче на душе: все стояли перед глазами те мальчишки из Абазы, радостно рассказывающие ему, как это выгодно — наркотиками заниматься: трехлитровая банка конопли — мотоцикл! И цифра из памяти не шла — 70 процентов школьников, по данным местной милиции, к восьмому классу уже одурманивают свои мозги гашишем.

Сидел Михаил, думал. В камере времени свободного много, много чего передумать успеешь.

На третий день недели на него наручники, сковали одной цепью с наркоторговцем — побегут, так вместе, посадили в «автозак», и повез их конвой в суд, меру пресечения назначать.

В суде — снова в камеру, маленькую такую, внизу, в подвале. Парня того первого в зал заседаний повели. Он, уходя с конвоирами, на Михаила взгляд кинул, возмущаться стал: «Вот до чего дожили: журналистов сажают!» Мелькнула мысль: «Может, он и не врёт, что наркотики ему подбросили?»

Потом в комнату для допросов повели. Там адвокат сидит — Андрей Трейзе.

— Ну, как там на воле, Андрей?

— Плохо, Миша, пресс страшнейший идет, чтобы тебя посадить.

Понятно все Михаилу: значит, не отпустят даже на подписку о невыезде. В следственный изолятор закроют, вполне реально. А там полгода продержат, пока все забудут о том, что был такой журналист Афанасьев. Наркотики подкинут, за них уже судить будут: вот, мол, он кто на самом деле — простой наркоман. Или

посадят в пресс-хату, ничего общего с пресс-конференцией не имеющей, а там тихо-мирно и убьют. Да что об этом думать, сто раз уже передумано. Его дело суда ждать.

Только не ведут его в зал заседаний. Странно как-то конвоиры забегали, и следователь уже не так уверенного смотрит, бумажками, в руке зажатыми не размахивает: вот, мол, ты где у меня — в кулаке.

А потом вдруг снова сковывают одной цепью с сокамерником и ведут в «автозак». Для порядка повозмушался: «Куда, на суд давайте!» А сам уже все понял: что-то произошло. Особенное. Не будет суда. И СИЗО не будет.

Едет «автозак», камера на колесах, по Абакану. Михаил в окошко зарешеченное смотрит. Снег идет! Как здорово! Свобода!

Только в камере чай заварили, зовут: «Афанасьев, с вещами, на выход!» А там уже, на выходе, за решеткой, друг Андрюха прыгает, руками машет, Андрюха, друг детства, единственный адвокат, защищать его взявшийся: «Я здесь, Миша! Я уже маме твоей позвонил, она ждет!»

Только домой приехали, звонок из Москвы:

«Здравствуйте, Михаил, это Алексей Симонов звонит, президент Фонда защиты гласности и председатель жюри премии имени Сахарова. Я хочу сообщить, что вы стали лауреатом этого конкурса, о чем мы только что сообщили всей аудитории, которая сейчас будет вам аплодировать».

И в телефонную трубку ворвался шквал аплодисментов...

Ему рукоплескали Москва и Владивосток, Назрань и Орел, Нальчик и Кызыл, Грозный и Норильск, Кемерово и Воронеж — его коллеги, собравшиеся в Музее и общественном центре имени Андрея Сахарова на церемонию награждения.

Он растерялся. Он не знал, что надо говорить в таких случаях. Он еще не осмыслил, что происходит: слишком резкими были контрасты этого дня. Произошло чудо?

Мама присела на стул и заплакала.

А произошло самое простое: на защиту сибирского коллеги встали журналисты России и мира. Встало то самое гражданское общество, в отсутствии существования которого его пытались убедить те, кто хотел заставить его молчать, хотел уничтожить как личность.

Когда жюри премии имени Сахарова, единодушно решившее: из восьмидесяти девяти авторов именно Афанасьев достоин быть лауреатом, узнало, что журналист арестован, оно забило тревогу.

В Хакасскую прокуратуру, в органы власти республики понеслись звонки: что происходит, на каком основании задержан журналист-лауреат? На стол прокурора Белошицкого легло обращение президента Фонда защиты гласности Алексея Симонова: «Жюри конкурса крайне обеспокоено действиями вашей прокуратуры».

Вслед за ним — обращение из Парижа: Международная организация «Репортеры без границ», защищающая заключенных в тюрьмы журналистов и свободу печати во всем мире, требует «немедленного освобождения журналиста, арестованного перед получением награды имени Сахарова, которой награждаются самые достойные».

Обращения следуют за обращениями, заявления за заявлениями: в Генпрокуратуру, в Министерство иностранных дел России. Сайты правозащитных организаций мира три дня на всех языках пестрят именами: Михаил Афанасьев, Александр Белошицкий. «Нет никаких оснований держать журналиста под арестом только за то, что он делает свою работу».

Прокурору Хакасии, слишком поздно понявшему, против какой мощной силы он пошел, наглядно указали на его место в обществе.

В феврале 2005 года он вынужден был уйти в отставку.

Журналистская солидарность. Гражданское общество. Никакого чуда. Так и должно быть.

Премия имени Сахарова Михаил получил 26 января 2005 года, только тогда, хоть и сняли с него все «подписки о невыезде», удалось прилететь в Москву.

Раньше никак невозможно было: прокуратура приготовила ему еще один сюрприз — бесследно исчез паспорт, забранный следователем при задержании. Данные паспорта в деле есть, а паспорта как не бывало. А без паспорта далеко не уедешь.

Сам Отто Лацис, журналист-эпоха, автор двенадцати книг, чей стаж в журналистике — полвека, член жюри Сахаровской премии, звонил хакасскому прокурору, пытался убедить вернуть паспорт. В ответ прокурор стал учить Лациса, кому следует давать, а кому не давать премию имени Сахарова. Вернее, бывший прокурор.

А со следователем прокуратуры был у Михаила итоговый разговор.

«Пойми, я вынужден был это делать, я человек подневольный!»

«Знаешь, когда война закончилась и нацистов судили, они тоже так говорили: мы только выполняли приказы. Уже тогда на Нюрнбергском процессе было установлено: исполнение преступных приказов не является ни моральным, ни законным оправданием. А то, что ты паспорт мой своровал и, знаю, сюжет, как ты от этого счастливей не станешь, Бог все видит».

И ведь так и получилось, рассказывает Михаил: неважно дела пошли у того следователя, сам оказался на подписке о невыезде по подозрению в убийстве своей девушки. Ее родные приходили, просили провести журналистское расследование, написать об этом.

Он всегда старается помочь тем, кто приходит к нему со своим горем, а тут отказался: это может быть воспринято как месть, а мстить он не хочет.

Бог все видит. Откуда у него это выражение: просто оборот речи или искренне, из сердца?

— Михаил, вы верите в Бога?

— Да. Хотя мне год с небольшим был, я помню, как меня крестили. В далеком Узбекистане. Бабушку туда работать отправили. Помню даже машину, в которой меня везли в церковь, — «Скорую помощь». Храм большой, светлый. Я даже мысли свои помню: «Все дети плачут, и мне надо плакать». Помню, меня понесли к купели, а я поворачиваюсь и вижу: стоят отец, мать. Помню, священник даже внимания не обратил, когда я заплакал. Это мое первое воспоминание.

Знаете, вера помогает. Во многом помогает. Много таких моментов было, когда я знал, что должен поступить, как православный.

— Что для вас самое главное в жизни?

— Работа.

— Что ранит вас больше всего?

— Предательство. Было: люди, которым верил, как самому себе, предавали. И подставляли. Сотрудник милиции брал деньги от моего имени за то, что я больше не буду писать о наркоторговцах. К нему приезжали: «Как так, деньги взял, а проблемы не решил. Он все равно пишет». «А я ни при чем, я ему все отдал!»

Соратник бывший на суде заявил, что я две тысячи долларов, якобы, получил. Трудно его осуждать, он два месяца в пресс-хате провел, ни на кого в суде не смотрел, когда это говорил. Господь ему судья.

— *Вас часто пытались купить?*

— Сколько раз! Говорили: называй цену. И люди такие, что в число богатейших людей России входят. Спрашивали: «Сколько?» Они думают, если журналист начал о чем-то писать, значит, это кто-то заказал и можно перекупить.

Или предлагают: давай, мы тебе дадим рекламу. В форме взятки. Я знаю все их структуры, все магазины, фирмы, какая как называется, чем занимаются. Если это торговая фирма, то еще не факт, что она именно этим зарабатывает. Есть, например, ряд заправок, на которых запах спирта перебивают запахом бензина. У таких я никогда не возьму рекламу.

— *Самый главный человек в вашей жизни?*

— Мама. Она сначала ругала за эти журналистские расследования: «Сколько можно, сколько я могу за тебя бояться, ночами не спать?» А потом смотрит — бесполезно. Стала просто переживать за меня. Мама. Конечно, мама...

— *А жена? Женились бы, и легче стало: еще один близкий человек рядом, вместе с мамой.*

— Как тут жениться? Это ведь сразу — большая точка. За свою безопасность поручиться не можешь, а тут еще и жену опасности подвергать.

Я считаю, мужчина никогда не состоится, если будет жить по стереотипу еще советских времен: отслужил в армии, пошел на завод, проработал год, женился. И все. Самореализоваться сначала надо, сделать из себя настоящего мужчину.

Вот я как-то на улице сценку видел: машина не заводится, муж пытается что-то сделать, жена высказывает, кричит: «Кто тебе разрешил лезть в карбюратор?» А он молчит, голову опустил. Он уже не мужчина. Какой он мужчина, если даже за карбюратор ответить не может? Не понимаю женщин: зачем им нужны такие?

«Как так, тебе 29, а у тебя ни жены, ни детей?» Да что может дать ребенку, какой мудрости может научить отец, который в 21 год женился, в 22 года уже ребенком обзавелся, в 24 — двумя. И только в этих проблемах и заботах крутится — деньги зарабатывает, а вечером пьет. Вот и сидят потом дети этих папаш по гаражам, водку трескают или наркотиками балуются. Само-реализуются.

Вот теперь, считаю, я своим детям дам нормальное воспитание. И они меня уже не обманут. И я знаю, чему смогу их научить.

— У вас не возникало чувство, что вы бьетесь лбом о стенку, прошибить которую нашими публикациями все равно невозможно?

— Нет. Я считаю, что всего можно добиться. Журналисты могут расчистить эту землю. Могут! Может быть, я оптимист или романтик, но я уверен: можно все это искоренить. Если мы еще не можем все вместе, с наскоку, расшатать всю эту коррупционную систему, то хотя бы по винтикам ее разобрать.

Но надо нести ответственность и за то, кто придет на очищенную территорию. А вдруг еще хуже тех?

— Еще и за это отвечать? Не слишком ли тяжкий груз для одного отдельно взятого журналиста?

— Такова наша работа. Знаете, что радует после этих кругов ада: журналистов в Хакасии стали воспринимать как реальную силу. И власти, и, главное, общество. Мне рассказывали, что с газетой «Шанс», в которой опубликовали материал о Сахаровской премии и Белошицком, работники к нашему бензиновому королю ходили: не выплатишь зарплату — позвоню Афанасьеву. Выплачивал.

Но ничего этого не было бы, если бы не Фонд защиты гласности. Алексей Кириллович Симонов столько сделал, такую поддержку оказал! Его поддержка значила абсолютно все. А как они меня встречали в Москве! Я растерялся даже: чем такое заслужил?

Все жюри премии Сахарова, в полном составе, ждало своего сибирского лауреата. 26 января 2005 года было заполнено событиями, встречами и впечатлениями до отказа.

Пресс-конференция в Центральном доме журналистов, специально абаканскому журналисту посвященная. Потом торжественный прием — в его честь, вручение диплома и премии. Алексей Симонов, Отто Лацис, Анна Политковская, Эльвира Горюхина, учредитель премии Питер Винс...

Михаил смущенно улыбается: «Они мне потом сказали: сначала понять не могли, почему я с ними не здороваюсь. А я стесняюсь к ним подойти даже. Смотрю на Лациса и думаю: а вдруг обознался, вдруг это вовсе и не он?»

Пресс-конференция тоже как в тумане прошла: не привык он на виду быть, все больше в засадах да на допросах. Правда, отвечал толково, когда вдруг терялся, на помощь приходил Лацис.

«Через пару часов мы шли с ним в районе Чистых прудов, и я вновь чувствовал свое замешательство. Вот так просто идем с легендарным Отто Лацисом и говорим, как будто всю жизнь были знакомы. Беседуя, мы то сворачивали в переулок, то переходили улицу, то вновь сворачивали.

И вдруг я спросил: «А это центр Москвы?» И ведь знал, что центр, а зачем спросил, не знаю. Видимо, привык как в Абакане: нырнул в пару переулков и уже в другом районе. После двадцати минут ходьбы сработал инстинкт «жителя маленького города». Отто Рудольфович улыбнулся и ответил: «Это не центр, это сердце Москвы».

Это воспоминание уже из статьи Михаила, размещенной 5 ноября на сайте «Новый фокус». Горькой статьи, потому что 3 ноября 2005 года Отто Рудольфовича Лациса не стало: он скончался на семьдесят втором году жизни, в НИИ имени Бурденко, куда попал после автомобильной катастрофы.

У Отто Рудольфовича тоже есть строки о Михаиле. Держу в руках сборник публикаций победителей и финалистов премии имени Андрея Сахарова, выпущенный Фондом защиты гласности в 2005 году. Первыми идут журналистские расследования Михаила Афанасьева.

Открывает сборник предисловие «Глоток кислорода», в котором есть такие слова:

«...Но вот еще строки: «Все уверены в непотопляемости Машукова. Кроме нас. Ведь кроме правоохранительных органов, которые должны обратить внимание на творимое беззаконие и сделать его предметом расследования, есть еще и терпение. Терпение людей, которое должно когда-либо кончиться».

Машуков — начальник охотоправления, который прислуживает высоким (иногда — очень высоким) гостям из столицы, приезжающим в Хакасию пострелять косуль у кормушек в заказнике. С ним ведет нескончаемую праведную войну Михаил Афанасьев. Вот это и есть глоток кислорода, эти самые слова: «Все уверены в непотопляемости Машукова. Кроме нас».

Да, на Сахаровскую премию выдвигаются люди, пишущие главным образом о мрачных вещах и часто — с опасностью для себя, что показывает, кстати, и история Афанасьева.

Но ведь пишут! Пишут, несмотря ни на что. Пишут сотни журналистов, получающих в своей работе поддержку тысяч читателей. Россия сопротивляется произволу, какими бы опасностями ни грозило это сопротивление. И пока это так — у нас есть надежда».

Эти строки написал Отто Лацис.

Время славы не оглушило Михаила. Да и некогда было ему купаться в этой славе. Забот много.

Во-первых, сайт «Новый фокус», собственное, ни от кого не зависящее Интернет-издание, которое он создал благодаря премии имени Андрея Сахарова. Теперь он главный редактор, он же — единственный сотрудник «Нового фокуса». Сайт постоянно обновляется новыми репортажами с мест происшествий, новыми расследованиями.

Во-вторых, уголовные дела. Прокурор-то в отставке, а изматывающие дела остались. По пяти из семи он уже оправдан «за отсутствием в деянии состава преступления».

Листаю один из приговоров, глаза останавливаются на строчках: «Для защиты нарушенного права обращался в правоохранительные органы, не добившись справедливости, обратился к журналисту Афанасьеву, который написал правду».

Непоэтичный стиль, казенная формулировка, но, мне думается, это самые главные слова, которые можно сказать о журналисте: написал правду.

В-третьих, еще забота есть у Михаила: сессия. В 2004 году поступил он в Хакасский госуниверситет, специальность «журналистика». На заочное. Высшее образование получать надо, это он хорошо понимает. Только со всеми этими уголовными делами запустил он учебу. Надо подтягивать хвосты, а то неудобно даже.

Дня не хватает Михаилу, чтобы успеть везде. На заднее стекло своей машины он наклеил надпись «Миссия — выполняй!» Такая «Скорая помощь» гласности.

Приезжает домой уже полночь. Мама ждет, не спит. Она кормит его ужином, а потом он стоит у окна и курит, глядя во двор. Во дворе идет снег. Такой же, как тогда, в Москве, когда шли они с Лацисом и тот сказал: «Это сердце Москвы».

«Это был не просто ответ, это был смысл наших взглядов. Противостоя правовому беспределу в провинциях, в разных частях

России, мы защищаем это сердце. Сердце Отечества. Понимание этого тогда проскочило между нами. Точнее, от него ко мне. Этот момент жизни я запомню до конца», — пишет Михаил.

Это не просто красивые слова.

Он действительно так думает.

И пока это так — у нас есть надежда.

2—9 декабря 2005 г.